

О. Б. Бубенок

ПРОБЛЕМА ЧЕРНЫХ КЛОБУКОВ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ОТ XVIII в. ДО НАШИХ ДНЕЙ

История изучения огузских племен, известных в письменных источниках как торки или черные клобуки, которые обитали на правом берегу Среднего Поднепровья в предмонгольский период, насчитывает не одно столетие. Тем не менее эти огузы были зафиксированы в древнерусских летописях и по названиям их племен: печенеги, берендеи, ковуи, боуты и т. п. Это в определенной степени, как мы увидим, создавало большие трудности для исследователей в процессе их идентификации. Но трудности в изучении черных клобуков были связаны и с тем, к каким научным школам относились исследователи этой проблемы, что отразилось не только на методологических подходах представителей этих школ, но и на выводах, которые несли в себе идеологический подтекст. Таким образом, история изучения черных клобуков Правобережья Среднего Поднепровья представляет уже собой отдельную историографическую проблему. Необходимо отметить, что подобные историографические исследования заканчивались лишь анализом ситуации до 1991 г. В этой же статье предпринята попытка проследить тенденции от XVIII в. вплоть до наших дней. В результате мы сможем увидеть несколько неожиданную картину.

Следует отметить, что, прежде всего, российские и украинские ученые проделали огромную работу по изучению огузов Правобережья Южной Руси. И это уже началось в российской историографии XVIII–XIX вв. Необходимо учитывать, что уже тогда российские ученые придерживались идеи великодержавной школы о цивилизаторской миссии славян в Евразии. В соответствии с этим средневековые кочевые народы степей рассматривались ими как источник торможения прогресса, и поэтому уже первые российские историки заявили о негативной роли тюрков и монголов в развитии государственности восточных славян. Однако когда дело доходило до черных клобуков, находившихся на службе у киевских князей в Поросье, то этот пример приходил в полное противоречие с идеями об исконной враждебности Степи и земледельческой Руси. Тем не менее фактор черных клобуков был настолько значителен, что дореволюционные российские историки не решались отделить их от истории Киевского княжества.

Так, еще В. Н. Татищев в своей работе “Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской” отметил: “Берендеи и Берендичи, народ был до прихода татарского в Малой России поселен на разных местах, а больше на реке Рси, и названы разное, яко казары, торки, торпеи, черные клобуки, иногда поганые, зане булы не крещены, а по имени много махOMETANE. Но во время пришествия татар имя оное погибло” [Татищев 1979, 188]. В своей “Истории Российской” В. Н. Татищев доказывал, что черные клобуки древнерусских летописей представляли одно из многочисленных тюркских племен [Татищев 1962, 271–272].

Немало внимания уделил огузам русский историк Н. М. Карамзин в своей “Истории государства Российского” (1842 г.). Он связывал обоснование торков и печенегов на Руси со временем Владимира Мономаха. Историк указывал на подчиненность черных клобуков киевскому князю и охарактеризовал эти отношения как

вассальные. Весьма примечательно, что Н. М. Карамзин был первым, кто видел в черных клобуках предвестников украинского казачества [Карамзин 1989]. Вслед за ним, в 1856–1857 гг. появляется работа М. П. Погодина “Исследования, замечания и лекции о русской истории”. В пятом томе этого сочинения исследователь, проанализировав все известные на то время сообщения о торках, берендеях, печенегах, коуях, турпеях, черных клобуках и т. п., пришел к следующему выводу: “Имя Черных Клобуков, верно, было для всех общее, потому что только это имя употребляется одно, и никогда в соединении с другим” [Погодин 1857, 194]. Поэтому историк справедливо считал, что “родство всех этих племен подтверждается, как ни скудны наши о том сведения, и одним образом жизни, действий, верований, языка, и пребыванием на одних и тех же местах” [Погодин 1857, 196]. М. П. Погодин считал, что торки и другие родственные им племена были “малочислены и слабы” и поэтому “не имея силы бороться с Половцами, напиравшими с востока, и с Русью на севере, они подчинились ей, и обязались служить за землю, которую от нее получили в пользонаслаждение, составляя ее военную стражу, военное поселение” [Погодин 1857, 199]. Земли торков, по мнению историка, находились на Правобережье Днепра в бассейне р. Рось, где “средоточием их поселений был город Торческ” [Погодин 1857, 200].

Вся совокупность сведений летописей о черных клобуках позволила М. П. Погодину сделать следующий вывод: “Это военное поселение сделалось как бы частью Киевского Княжества, и принимало деятельное участие в делах его...” [Погодин 1857, 204]. Кроме того, М. П. Погодин был одним из первых историков, кто увидел в черных клобуках прообраз казачества. По этому поводу он высказался следующим образом: “Мы видели, Торки, Берендеи, Ковуи, Печенеги, Турпеи, вообще Черные Клобуки, составляли военное поселение Руси против Половцев, военную стражу. Точно тоже исполняли Казаки в позднейшее время со стороны Польши против Татар” [Погодин 1857, 205].

С середины XIX в. начались планомерные раскопки курганов средневековых кочевников на территории Украины. Поэтому возрос интерес ученых к проблеме кочевых народов. Выходят в свет уже целенаправленные, посвященные непосредственно огузам, исследования. Среди них следует отметить исследования И. Смачевского [Смачевский 1855], Н. Я. Аристов [Аристов 1877, 209–234], А. Бобринского [Бобринский 1887], П. В. Голубовского [Голубовский 1884; 1884а; 1923].

Так, еще в 1855 г. И. Смачевский рассмотрел все летописные известия о черных клобуках, берендеях и торках и пришел к выводу, что название “черные клобуки” имеет собирательное значение для всех кочевников, обитавших в Поросье. По его мнению, они пришли из Азии и со временем, на протяжении XI в., из врагов Руси превратились в вассалов киевских князей [Смачевский 1855]. И. Смачевский отмечал также такие моменты, как участие черных клобуков в выборе князя наравне с обитателями Киевщины, значение помощи союзных кочевников, что обеспечивало перевес того или иного князя [Смачевский 1855, 99–100]. Он указывал, что черные клобуки признавали киевского князя своим властелином [Смачевский 1855, 105].

Особо следует отметить монографию П. Голубовского “Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII в.в.”, где автор убедительно доказывает “тождество наших *торков* и *узов*” [Голубовский 1884а, 45]. Историк отмечал, что торки вошли в состав объединения Черные Клобуки. Но полностью не отождествлял их. Наоборот, он считал: “Вся эта масса разных тюркских кочевых родов носила на Руси общее имя *Черных Клобуков*, т. е., *Черных Шапок*. Черные клобуки не были особенный какой-нибудь народ, отличный от торков и берендеев, а это название было общим для торков и берендеев, для ковуев и печенегов, и для всех других мелких племен, осевших на Руси” [Голубовский 1884а, 148].

П. Голубовский особо отметил роль этих племен в жизни Руси: “Черные клобуки, как летучее, легкое войско, с одинаковой степной тактикой, с одинаковой привычкой

и умением владеть тем оружием, какое было и у кочевников половцев, черные клобуки несомненно были полезны Руси” [Голубовский 1884а, 152]. По его словам, черные клобуки “всегда соединялись с князьями где-нибудь в своей области. Они небольшими отрядами участвовали в войнах на разных пунктах Руси, но, когда приходилось им двигаться в большом числе, причем оставались беззащитными их вежи, черные клобуки старались не выходить из своей области, или забирали с собой и вежи, или запирали своих жен и детей по городам” [Голубовский 1884а, 146]. Постоянным местом обитания черных клобуков П. Голубовский считал Поросье, где “их вежи были главным образом на Белоцерковской степи или Перепетовом поле, в местности, огражденной реками Стугной и Росью” [Голубовский 1884а, 149].

Исследователь также отмечал переход черных клобуков к оседлости, ибо “пробывание черных клобуков по городам в большем или меньшем количестве несомненно”. По его мнению, “их князьям давались в управление города”. “В конце XII ст., – отмечает П. Голубовский, – мы знаем трех черноклобуцких князей, владевших городами в Поросьи. Кунтувдей сначала сидел в Торческе, затем ему дан был город Дерновый на Роси. Неизвестно, какие города принадлежали Чюрною и Кульдеюрю: летопись их не называет. Это были, как видно, люди выдающиеся” [Голубовский 1884а, 146]. Как видим, П. Голубовский особо выделял черноклобуцкую знать, которая стремилась интегрироваться в среду киевской аристократии.

В конце XIX в. генерал-лейтенантом Н. Е. Бранденбургом было вскрыто 117 кочевнических погребений в бассейне реки Рось в Киевском и Каневском уездах и 16 курганов на берегу Днепра. Результатом его работ явилась статья “Какому племени могут быть приписаны те из языческих могил Киевской губернии, в которых вместе с покойником погребены остовы убитых лошадей”. Н. Е. Бранденбург предполагал, что раскопанные им курганы принадлежали огузам-печенегам, допуская, однако, что они могли быть и кыпчакскими (половецкими) [Бранденбург 1899]. В том же 1899 г. вышла статья А. А. Спицына “Курганы киевских торков и берендеев”, в которой он доказал, что эти захоронения (XI–XIII вв.) принадлежали огузскому союзу племен – Черным Клобукам [Спицын 1899].

В итоге стало очевидно, что не имеет под собой оснований общепризнанный тезис о так называемой “дикости” номадов, ибо они имели высокоразвитую самобытную культуру. А это полностью не соответствовало основным положениям великодержавной российской исторической науки.

В то время не менее дискуссионным оставался вопрос о локализации летописного Торческа. Так, на заседаниях Исторического общества Нестора Летописца в Киеве проходила дискуссия по поводу топографических ориентиров летописных городов, в частности города Торческа. Там П. Г. Лебединцев предложил свои соображения о месте летописного Торческа. Обращаясь к публикации Ревякина в “Киевских Губернских Ведомостях” за 1863 год (№№ 33 и 34), который принимал за достоверное, что Торческ находился “на левом берегу р. Стугны, в 15 верстах от Триполья, там, где с. Безрадичи”, он отметил, что невозможно размещать город на р. Стугне [Лебединцев 1888, 46]. Сам он локализовал Торческ на р. Роси, на правом ее берегу. “В 110 верстах от Киева, – писал историк, – в Таращанском уезде Киевской губернии, за р. Росью, в 10 верстах от нее, при речке Торчи, что впадает в р. Рось, существует село Торчин, со своим древним городищем, и есть древний город Торчин, которое получило свое название от р. Торчи” [Лебединцев 1888, 47]. В. Б. Антонович представил возражения на реферат П. Г. Лебединцева. При этом он не отрицал вполне справедливые мысли П. Г. Лебединцева: “Торческ, – писал он, – название города, которое происходит от названия народа торков, которые могли основать несколько городков с тем же названием. Но Торческ, известный половецкою осадой, нужно приурочить к другой местности. Догадка Ревякина не совсем необоснована, потому что в Безрадичах он нашел Торческую гору”. Торческ, по мнению

В. Б. Антоновича, следует искать на левом берегу р. Стугны. На это П. Г. Лебединцев ответил, что реферат его об одном Торческе – киевском, а не полесском или во-лынском, что Торчешская гора, на которой когда-либо останавливались торки во время походов, могла быть и вне Торчина [Лебединцев 1888, 48].

Немало внимания огузам, в частности черным клобукам, уделил в своей работе “История Украины-Русы” известный украинский историк М. С. Грушевский. Он не принадлежал к российской исторической науке, а был основоположником украинской исторической школы, представители которой, в отличие от российских коллег, наоборот, видели в средневековых кочевниках позитивный фактор в развитии южнорусских земель. По мнению исследователя, в XI в. в киевском Поросье начало сосредотачиваться значительное количество тюркских родоплеменных групп, которые впоследствии получили название “Черные Клобуки”, т. е. “Черные Шапки”. Историк указывал на важную роль черных клобуков в жизни Киевского княжества [Грушевский 1992, 548–550]. По мнению М. С. Грушевского, особенно это значение возросло во время борьбы за Киев от половецкой опасности [Грушевский 1992, 548–549]. Историк отмечал, что черноклобуцкая старшина подчинялась киевскому князю [Грушевский 1992, 550].

Необходимо отметить, что до М. С. Грушевского был слабо разработан такой вопрос, как отношения черных клобуков с киевской общиной. По этому поводу М. С. Грушевский отметил: “В первой половине и в середине XII в. черные клобуки держатся вместе с киевской громадой, поддерживают ее любимых князей. Во второй половине XII в. они начинают лстить, сблизаться с половцами вместо сближения с рускими” [Грушевский 1992, 550]. Необходимо отметить, что украинский историк первым поднял этот вопрос.

В историографии неоднократно обращалось внимание на значительное влияние черных клобуков на ход событий в Южной Руси. Некоторые исследователи связывали это с их многочисленностью. Аналогичного мнения придерживался также и М. С. Грушевский [Грушевский 1992, 548–549]. Он отмечал выделение черным клобукам городов в держание и объяснял это влиянием “русского земского строя” [Грушевский 1992, 548–549].

Среди этих городов в летописях неоднократно фигурировал Торческ. Что касается происхождения Торческа, то М. С. Грушевский высказался о нем как о “русском городе”. Об использовании кочевниками древнерусских населенных пунктов в “Истории Украины-Русы” сказано мало. М. С. Грушевский утверждал, что черные клобуки использовали крепости и города, около которых обитали, только во время опасности, все остальное время они кочевали около них. Названия этих городов связаны, по его мнению, именно с тем, что черные клобуки обитали около них [Грушевский 1992, 549]. Необходимо отметить, что этот вопрос не был детально разработан историками. Он до сих пор остается дискуссионным.

По мнению М. С. Грушевского, небольшие колонии черных клобуков, которые оставались после татарского нашествия, не оказывали влияния на этнический тип русов [Грушевский 1992, 550–551]. М. С. Грушевский полагал, что гипотезу о полной ассимиляции черных клобуков древнерусским населением нельзя признать правдоподобной. Более вероятной он считал версию, согласно которой черные клобуки были унесены снова в степь татарским нашествием [Грушевский 1992, 550–551].

В 20-х – начале 30-х гг. “рускими” кочевниками занимался историк-эмигрант Д. А. Расовский. Огузам он посвятил две статьи: “О роли Черных Клобуков в истории Древней Руси” [Расовский 1927] и “Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии” [Расовский 1933]. Его работы отличаются солидной научной базой, которая содержит, кроме анализа древнерусских летописных сведений, подробный разбор венгерских источников.

Одной из основных работ по истории черных клобуков можно назвать большую статью Д. А. Расовского “О роли Черных Клобуков в истории Древней Руси” [Расовский 1927, 93–109]. Упомянутая статья, по словам самого Д. А. Расовского, представляет собой один из разделов более обширного исследования о черных клобуках [Расовский 1927, 93]. Судьба этого задуманного фундаментального исследования неизвестна. Можно догадываться только об отдельных его частях, которые были опубликованы как статьи в различных изданиях. Планам ученого помешала война и гибель Д. А. Расовского [Шушарин 1964, 15].

Готовя статью, Д. А. Расовский собрал значительный материал о черных клобуках. Им были тщательно изучены летописные сообщения по данной теме, затронуты много важных вопросов. Именно поэтому работа Д. А. Расовского является наиболее показательной и фундаментальной в данном направлении.

В исследовании рассмотрен широкий спектр вопросов. Некоторые из них уже затрагивались в работах предшественников, но историк обратил внимание и на другие, не рассмотренные ранее аспекты темы. Можно выделить несколько основных направлений, которые привлекли внимание исследователя. Это отношения черных клобуков с половцами и роль союзных кочевников в борьбе с ними. Другим важным вопросом было значение черных клобуков во внутренней жизни древнерусского государства. Д. А. Расовский справедливо отмечал, что в историографии того времени внутренняя роль черных клобуков почти не рассматривалась.

Историк высказывает несколько замечаний по вопросам хронологии. Это дает возможность понять, в какой последовательности он видел события. Но его замечания относительно хронологии событий имеют несколько противоречивый характер. Так, он отмечал, что черноклобуцкие поселения ведут свое начало с последних десятилетий XI в. [Расовский 1927, 93], без конкретного указания, какого именно десятилетия. Ученый указывает на пассивную роль кочевников на Руси в то время [Расовский 1927, 94]. По его словам, торки не принимали участия в первых походах в степи, их было в это время еще мало на Руси [Расовский 1927, 94]. Только в результате этих походов, по его мнению, они начали переходить на Русь [Расовский 1927, 94]. “Только с 50-х годов XII в., – пишет Д. А. Расовский, – начинается активная деятельность черных клобуков на Руси” [Расовский 1927, 94]. Но исследователь не объясняет, что они делали на Руси на протяжении почти ста лет.

В состав объединения, по мнению Д. А. Расовского, входили осколки торков, берендеев, печенегов, вытесненных половцами из Северного Причерноморья [Расовский 1927, 94]. Историк отмечает взаимную заинтересованность торков и Руси в переходе кочевников на Русь [Расовский 1927, 94]. В связи с тем что для Руси было очень актуальным противостояние половцам, она, по предположению Д. А. Расовского, видела свою выгоду в сотрудничестве с торками и старалась лучше использовать кочевников [Расовский 1927, 94]. Д. А. Расовский справедливо понимал, что именно фактор половецкой угрозы вызвал такое длительное сотрудничество Руси и черных клобуков [Расовский 1927, 94]. Давление половцев и распространение их в Северном Причерноморье вызывали ожесточенную борьбу и вражду половцев с кочевниками, которые были вынуждены покинуть места прежнего обитания. По мнению историка, половцы сами усложнили эти отношения, нападая на черных клобуков в самом начале их поселения на Руси [Расовский 1927, 94]. Исследователь признает ведущую роль черных клобуков в борьбе с половцами. В качестве примера их значения приводит историю с ханом Контувдеем [Расовский 1927, 98]. Но вместе с тем он считал, что постоянная готовность черных клобуков к степным походам была вызвана в значительной степени материальной заинтересованностью последних [Расовский 1927, 96]. Ученый справедливо указывал, что отношения черных клобуков и половцев отразились на внутренних отношениях с Русью. Так, причину прохладных отношений с Ольговичами Д. А. Расовский видел в их дружбе

с половцами [Расовский 1927, 103–104]. Он высказал весьма сомнительный тезис, что именно наличием черных клобуков в Правобережной Руси вызвано обращение черниговских князей к половцам. Именно в этом он видел корень зла [Расовский 1927, 105].

Кроме того, Д. А. Расовский спорил с М. С. Грушевым, который считал, что только дружина была постоянным вооруженным войском [Расовский 1927, 99]. Он назвал черных клобуков постоянным, вооруженным собственными силами подразделением [Расовский 1927, 99]. При этом историк указывал на количественное преимущество черных клобуков в войске Руси [Расовский 1927, 101].

Большой раздел в этой работе Д. А. Расовского посвящен внутренним отношениям Руси и черных клобуков. Там он отмечает общественную активность кочевников на Руси [Расовский 1927, 100–102]. Весьма примечательно, что такого же мнения придерживался и И. Смачевский [Смачевский 1855, 100]. Как показатель общественной роли черных клобуков на Руси Д. А. Расовский привел случай 1055 г. с Юрием Владимировичем [Расовский 1927, 98–99]. Он справедливо отметил, что, выступая вместе с русами, черные клобуки никогда не сливались с ними и проявляли самостоятельность [Расовский 1927, 102].

Историк считал ошибочным мнение об ухудшении отношений черных клобуков с Русью во второй половине XII в. Несколькими случаями лести, по его словам, это трудно объяснить. Кроме того, он указывал, что мы можем видеть события только с точки зрения древнерусского летописца и никогда не знаем, что думали сами черные клобуки [Расовский 1927, 97]. Ученый справедливо отмечает близость и взаимовлияние черных клобуков и Руси [Расовский 1927, 107–109].

Историк также обратил внимание на положение кочевников в Киевском княжестве и отношения с киевским князем [Расовский 1927, 93]. Он указал на наличие тюркской вспомогательной силы только в Киевском княжестве, хоть кочевники действовали в различных направлениях. Их влияние в Киевском княжестве, согласно Д. А. Расовскому, было исключительным [Расовский 1927, 99–100]. Отметил также исследователь и подчиненность черных клобуков киевскому князю [Расовский 1927, 99–104]. По его наблюдениям, каждый киевский князь получал в свое распоряжение легкую черноклобуцкую кавалерию [Расовский 1927, 99]. Перевес всегда был на стороне князя, поддержанного черными клобуками. Великий киевский князь широко пользовался этой силой [Расовский 1927, 100–101]. Их то ставили в авангарде, то посылали в погоню [Расовский 1927, 95]. Было очень почетно, указывал Д. А. Расовский, ездить впереди с черными клобуками [Расовский 1927, 97]. Командование, по его мнению, всегда принадлежало киевскому князю [Расовский 1927, 95], потому что Великий киевский князь защищал, прежде всего, свою столицу и свою власть в ней [Расовский 1927, 100].

Таким образом, приведенный обзор работы Д. А. Расовского “О роли Черных Клобуков в истории Древней Руси” показывает, что он рассмотрел значительное количество вопросов из истории черных клобуков, но не все они были исследованы ученым. Это попытались сделать последующие поколения исследователей.

Следует отметить, что после событий 1917 г. русские эмигранты уделяли много внимания кочевым народам, которые принимали участие в этногенезе русского и украинского народов. С обоснованием тезиса о самобытности тюркских народов выступили многие известные русские ученые. Так создается евразийское направление, занимающееся русско-тюркско-монгольскими связями и опровергающее европоцентристскую концепцию об извечности борьбы Леса и Степи. Формально датой рождения евразийства можно считать 1921 г., когда в Софии вышел сборник статей “Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийства”.

Авторы сборника – известные русские исследователи-эмигранты, изгнанные из России. Они занимали лучшие кафедры в Берлине, Лондоне, Праге, Белграде.

Основателями евразийства можно считать филолога и историка князя Н. С. Трубецкого, географа П. Н. Савицкого, историка Г. В. Вернадского.

Л. Н. Гумилев так сформулировал основной евразийский вывод: “Евразийский тезис: надо искать не только врагов – их и так много, а надо искать друзей, это самая главная ценность в жизни. И союзников нам надо искать искренних. Так вот, турки и монголы могут быть искренними друзьями, а англичане, французы и немцы, я убежден, могут быть только хитроумными эксплуататорами” [Гумилев 1993, 7].

По этому поводу П. П. Савицкий писал в декабре 1956 г. Л. Н. Гумилеву: «...кочевой мир, в ряде отраслей, обладает своей, и весьма высокой “цивилизацией” – по части экономических навыков (скотоводство, охота, металлургия) и по части организации (величайшие достижения военного дела, культ верности и взаимной поддержки, и по части искусства; повторяю: художник, создавший Саяно-алтайского всадника, – гениален!). А смотрите, как кочевой мир охранял природу, объявляя многие хребты и урочища “священными”, заповедными. Нам бы брать с него в этом пример!» [Гумилев 1993, 31]. Необходимо отметить, что в Советском Союзе идеи “евразийцев” по известным причинам не получили распространения. Хотя ярким представителем “евразийства” в марксистском окружении оставался Л. Н. Гумилев, многие работы которого начали публиковаться лишь в период Перестройки в конце 80-х гг. XX в. Однако у “евразийцев” наметилась одна негативная черта в их идеологической концепции – зачастую они чрезмерно идеализировали кочевые общества, не отдавая отчета в том, что кочевой социум представлял собой не лучший тип общества, а лишь один из вариантов в развитии человечества, обусловленный особенностями окружающей природной среды.

В СССР уже с первых десятилетий существования государства наметился иной подход в освещении истории средневековых кочевников и их взаимоотношений с Русью. С одной стороны, советские историки продолжали популяризировать идеи предшествовавшей российской науки об извечной вражде Леса и Степи. Таким образом предпринимались попытки доказать, что кочевники были отсталыми и реакционными и потому тормозили развитие славян. С другой стороны, советские исследователи стали акцентировать свое внимание на проблемах социальной истории, и поэтому проблема взаимоотношений между кочевниками и Русью у них все чаще сводилась к позициям марксистского формационного подхода, а не к рассмотрению характера взаимодействий двух социально-экономических систем. В соответствии с этим возобладала концепция о “кочевом феодализме” у средневековых кочевников, одним из основоположников которой стал известный монголист Б. Я. Владимирцов [Владимирцов 1934].

Показательна в этом отношении монография Б. Д. Грекова “Киевская Русь” [Греков 1953]. В частности, в ней Б. Д. Греков отметил: «На данном этапе наших знаний мы можем только сказать, что половцы, как хазары и гузы X в., не говоря уже о “черных клобуках” и печенегах XI в., жили уже в системе перехода к ранним стадиям феодального общества» [Греков 1953, 32]. Историк отметил, что в древнерусском государстве у черных клобуков существовала своя военная организация [Греков 1953, 351]. Что касается хозяйственного уклада, то в другой монографии он указывал, что “посаженные на русскую территорию кочевники, несомненно, изменили кочевой образ жизни” [Греков, Якубовский 1950, 19].

Б. Д. Греков отстаивал идею о том, что существовала четкая организация сотрудничества между Русью и черными клобуками, а это могло быть обусловлено только наличием договорных отношений между сторонами соглашения [Греков 1953, 350]. Интересно следующее высказывание Б. Д. Грекова по этому поводу: «Печенеги впервые названы в “Повести” под 915 г. как враги. Мы можем думать, что торки раньше вступили в договорные отношения с Русью. Торки и берендеи помогали Руси отбивать печенегов, так же, как несколько позднее сами печенеги вместе с

торками и берендеями стали помогать Руси отбивать половцев» [Греков 1953, 352]. Характерно, что он отождествлял гузов с туркменами [Греков, Якубовский 1950, 19].

Аналогичный подход к решению проблемы продемонстрировал В. Т. Пашуто в своей монографии “Внешняя политика Древней Руси”. Он считал, что черные клобуки – это “общее наименование всех служилых тюрков” на Руси. По его мнению, в Поросье в состав объединения Черные Клобуки входили торки, берендеи, турпеи, коуи и другие тюркоязычные группы. “Под таким названием, – отмечает исследователь, – вассальный Киеву тюркский корпус выступает лишь с расцветом феодальной раздробленности” [Пашуто 1968, 114]. Что же касается характера взаимоотношений черных клобуков с Киевом, то В. Т. Пашуто охарактеризовал это следующим образом: «Торки поселились в Поросье – в Торческе и других укреплениях они жили вместе с берендеями, коуями, печенегами, образуя корпус черных клобуков; он подчинялся магистрату Киева и представлял собой одну из сил, не раз определявших исход борьбы волынского-смоленских, черниговских князей за “Русскую землю”. Союз с киевлянами – это и союз с тюркским корпусом. Переяславль и его тюркская округа входили в “Русскую землю” и выделялись магистратом князю, отвечавшему за безопасность Киевщины от степи» [Пашуто 1968, 111–112]. Весьма оригинальным выглядит также и другое предположение В. Т. Пашуто: «Земля черных клобуков – государственное по “ряду” неотчуждаемое владение Киева: оставляя город, князья теряли и торков, как в Новгороде теряли карел, эстов и др.» [Пашуто 1968, 112]. Как видим, В. Т. Пашуто считал, что черные клобуки удачно вписались в “феодальную систему” Руси.

Кроме того, в советское время продолжалось изучение древностей черных клобуков. Так, крупнейшая коллекция огузских древностей, собранная Н. Е. Бранденбургом, оставалась неизученной. Сам исследователь не успел многое опубликовать. Эта коллекция в 1932 г. перекочевала из Артиллерийского исторического музея в Государственный Эрмитаж в Санкт-Петербурге. Лишь через несколько десятилетий археологические исследования огузских и кыпчакских памятников продолжили С. А. Плетнева и Г. А. Федоров-Давыдов.

Среди многочисленных работ С. А. Плетневой две фактически полностью посвящены огузам: “Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях” [Плетнева 1958] и “Древности Черных Клобуков” [Плетнева 1973].

В работе “Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях” исследователь разделила курганные захоронения средневековых кочевников на пять групп, в соответствии с хронологией и культурно-региональными особенностями [Плетнева 1958, 151–226]. Особо выделила она третью группу, которая “включает в себя все погребения смешанного типа, т. е. погребения людей, входивших в гузско-торческий и черноклобуцкий союзы”. “В нее входят, – отмечает далее исследователь, – более 150 комплексов, из которых 88 обнаружены в Поросье, т. е. на основной территории черных клобуков” [Плетнева 1958, 165]. С. А. Плетнева отметила, что поросские погребения были сориентированы на запад. Иногда они были впущены в курганы бронзового века и скифского времени. Могилы были прямоугольные, не очень глубокие. Положение покойников было вытянутое или скорченное. В могилах встречались гробы и деревянные колоды, в которые клали покойников. В погребения вместе с покойником клали коня. В отличие от половецких погребений, где клали полный остов коня, в погребениях черных клобуков встречаются расчлененные остовы коней – голова отдельно, ноги отдельно. По предположениям С. А. Плетневой, это могло быть связано с изготовлением чучела коня. Конский доспех и предметы конского убора встречаются в погребениях достаточно часто [Плетнева 1958, 166–172].

Необходимо отметить, что С. А. Плетнева являлась ярким представителем советской археологической школы, основным постулатом которой являлось то

мнение, что погребальный обряд отражает этническую специфику погребенных. Однако попытка вписать в эту схему средневековых кочевников показала, что во многих случаях такой подход весьма сомнителен. Характерно, что советские археологи зачастую привлекали только информацию о кочевниках средневековых авторов и практически игнорировали этнографические материалы. А это в конечном итоге приводило к выводам, которые очень часто представляли собой лишь плод фантазии исследователей.

Особого внимания заслуживает монография С. А. Плетневой “Древности Черных Клобуков”. В ней она отметила аналогию ряда поросских погребений, раскопанных Н. Е. Бранденбургом, с курганами около Саркела [Плетнева 1973, 28]. В этой монографии С. А. Плетнева акцентировала свое внимание на погребальном инвентаре черных клобуков, который, по ее мнению, зависел от ряда факторов. По ее наблюдениям, в Поросье встречаются как безинвентарные, так и очень богатые погребения черных клобуков. Так, по мнению исследователя, погребения людей разного возраста и разного общественного положения реально отличались, прежде всего, по инвентарному содержанию. Например, в погребениях подростков и детей ставились горшочки, независимо от социального положения. Детей младшего возраста хоронили со взрослыми. Погребения подростков встречались очень часто, но не всегда с оружием и традиционной военной экипировкой. Отличаются погребения женщин. В них отсутствует оружие, больше украшений, но интересно, что в поросских курганах ножи найдены почти в каждом, даже в женских погребениях. Кроме указанных вещей встречаются в погребениях особые ритуальные предметы типа бубенчиков, колоколец [Плетнева 1973, 34–40].

Вещевой материал представлен оружием, украшениями, предметами культа, иногда встречаются остатки одежды, обуви. В погребениях поросских торков и печенегов, по наблюдениям С. А. Плетневой, посуда и бытовые вещи встречаются редко. Исследователь особо выделила оружие и украшения. Она отметила, что оружие в черноклобуцких погребениях представлено традиционным кочевническим набором – сабля, лук, стрелы, копье, нож. С. А. Плетнева проследила динамику развития сабли. По ее наблюдениям, ранние экземпляры имеют достаточно широкое лезвие и малый изгиб; сабли XII–XIII вв. – длинные, до 1 м, узкие, с сильным изгибом. Характерно, что на многих черноклобуцких саблях стоят клейма киевских мастеров [Плетнева 1973, 34–40].

Украшения были найдены в черноклобуцких погребениях в большом количестве. По наблюдениям С. А. Плетневой, их носили не только женщины, но и мужчины. Среди украшений – золотые и серебряные подвески, кольца, бляхи, ожерелья из различных драгоценных камней – сердолика, хрусталя и т. д. По данным исследователя, значительное количество их производилось на Руси, в Византии, Болгарии, странах Востока. Кроме того, в погребениях черных клобуков было найдено большое количество бляшек, которые могли быть частью поясов [Плетнева 1973, 34–42]. С. А. Плетнева также отметила в погребениях женщин несколько отличные виды украшений. По ее данным, женщины носили ожерелья, браслеты, кольца. В женских погребениях были найдены также зеркала. В мужских погребениях больше подвесок, бляшек [Плетнева 1973, 34–42].

Проведенный С. А. Плетневой анализ вещевых комплексов черных клобуков позволил ей прийти к следующему выводу: “В рассмотренных нами комплексах с удилами, а также и во всех остальных комплексах, входящих в эту книгу, нет вещей второй половины XIII–XIV вв., т. е. вещей послемонгольского времени... Мы видели, что число погребений, которые можно разделить на более или менее поздние (в пределах XII – начала XIII в.), в Поросье очень незначительно (28 погребений)” [Плетнева 1973, 19].

Интерес могут представлять и другие выводы, которые сделала С. А. Плетнева в своих более поздних работах. Так, археологические работы, которые проводились в разных местах древней “Русской земли”, позволили С. А. Плетневой локализовать черных клобуков только на юге Киевщины, где были найдены не только курганы, но и поселения, в которых размещались кочевники. Опираясь на результаты археологических исследований, С. А. Плетнева отметила, что в других местах, кроме Киевской земли, не удалось проследить какие-либо остатки тюркских племен, хотя летописи свидетельствуют о пребывании там кочевников [Плетнева 1990, 72]. Она считала, что кочевники оставляли ритуальные сооружения и могилы только в безопасных, защищенных местах [Плетнева 1990, 72]. Кроме того, С. А. Плетнева полагала, что город Торческ был основан кочевниками на месте бывшего скифского городища [Плетнева 1981, 220].

С. А. Плетнева говорила о различных уровнях черноклобуцкого общества [Плетнева 1990, 85]. В ее работах была предпринята попытка разделения кочевых племен на несколько стадий кочевания. Главный постулат в этой концепции – это стремление доказать, что процесс оседания кочевников на землю (седентаризация) неминуем и является закономерностью в развитии кочевых обществ [Плетнева 1967; 1982]. Данная концепция игнорирует исторические факты, например ситуацию с монголами, которые в XIV в. вернулись из Китая в Монголию, где до сих пор продолжают кочевать. Можно вспомнить и случаи с другими кочевниками, для которых переход к оседлости являлся вынужденной необходимостью, а не закономерностью. Несомненно, концепция С. А. Плетневой выдержана явно в духе эволюционизма, под влиянием которого находились основоположники марксизма. Необходимо отметить, что уже многие советские археологи и историки не были согласны с таким подходом, который явно противоречил имеющимся данным о кочевниках.

Согласно этой классификации, черные клобуки были отнесены С. А. Плетневой ко второй стадии кочевания, когда они еще сохраняли кочевые черты, но у них уже появляется тенденция к оседлости [Плетнева 1982, 32]. С. А. Плетнева называла черных клобуков полукочевым союзом [Плетнева 1981, 214]. Однако она считала, что эти племена осели только под влиянием обстоятельств [Плетнева 1981, 221]. По социальному устройству торков и печенегов она относила к уровню военной демократии [Плетнева 1981, 221].

Что касается характера отношений черных клобуков с древнерусским правительством, то С. А. Плетнева назвала их вассальным. “Руси были не выгодны, – писала она, – федеративные отношения с кочевниками, которые давали им большую свободу действий на Руси” [Плетнева 1981, 214]. Говоря о влиянии черных клобуков на жизнь Южной Руси, С. А. Плетнева отмечала, что именно во время существования союза черных клобуков тут начал формироваться военный уклад, характерный позднее для казачества, и это привлекало славян [Плетнева 1981, 88].

Монография Г. А. Федорова-Давыдова “Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов” раскрывает четыре хронологические группы памятников: 1. XI в. (печенеги и огузы); 2. XI–XIII вв. (первый период господства в степях кыпчаков); 3. предмонгольский период кыпчакского господства; 4. XIII–XIV вв. (золотоордынский период), причем для каждого периода характерно преобладание одного обряда [Федоров-Давыдов 1966]. Согласно своей классификации, Г. А. Федоров-Давыдов проследил динамику распространения “торческих” и “печенежских” кочевнических древностей. Так, в I и II периодах погребения типов БI–БIII сосредотачивались, главным образом, в Поросье – 85 % [Федоров-Давыдов 1966, 142, 150]. Период, когда в степях Восточной Европы господствовали печенеги и торки, характеризовался распространением погребений типов БI–БIII [Федоров-Давыдов 1966, 134]. Погребения этих типов позднее прослеживаются географически – в Поволжье, Нижнем Подонье, западнее – в Нижнем Поднестровье

[Федоров-Давыдов 1966, 134]. Г. А. Федоров-Давыдов связывал эти изменения с политикой золотоордынцев [Федоров-Давыдов 1966, 152]. Это дало ему основания справедливо считать, что “часть поросских племен переместилась в Молдавию” [Федоров-Давыдов 1966, 153]. Кочевники же, которые переместились в Поволжье, по мнению ученого, превратились из вассалов киевского князя в подвластных золотоордынских ханов (укаган-богал), т. е. черные клобуки изменили свои кочевья и начали кочевать там, где им было приказано [Федоров-Давыдов 1966, 238].

Несмотря на господство марксистских идей о “кочевом феодализме” у средневековых кочевников, Г. А. Федоров-Давыдов, высказываясь относительно общественного строя черных клобуков, отмечал сохранение у торков и печенегов черт родоплеменного деления [Федоров-Давыдов 1966, 277]. По его мнению, гузы были более развиты, чем печенеги. А противоречия, с его точки зрения, возникали между теми кочевниками, которые были более развиты, и теми, которые сохраняли еще родовые черты [Федоров-Давыдов 1966, 277].

Следует упомянуть и о статье Б. А. Рыбакова, посвященной раскопкам огузского города Поросья – Торческа (“Торческ – город Черных Клобуков”). С этим городом он связывал крупное городище, расположенное в 38 км к востоку от Белой Церкви, между селами Ольшанница и Шарки. По наблюдениям исследователя, оно состояло из большого укрепленного загона протяженностью 1400 м и двух сегментообразных внутренних укреплений. На городище были обнаружены остатки жилищ, ремесленных мастерских, разнообразный инвентарь, представленный керамикой, майоликовыми плитками, фрагментами бронзового хороса, шиферными пряслицами. Подавляющее большинство археологических находок на городище датируется XII–XIII вв. [Рыбаков 1967, 243–245].

В послесоветское время, несмотря на трудности объективного характера, исследования черных клобуков продолжались. В это время даже проводились археологические раскопки в Поросье. После 1991 г. в этом направлении сделали немало, прежде всего, украинские исследователи. Об этом могут свидетельствовать их публикации. Необходимо отметить, что в постсоветский период украинские исследователи кочевников оказались в методологическом тупике. Одни продолжали считать правильным марксистский подход, который декларировал не только идею общественно-экономических формаций и в соответствии с ней “кочевой феодализм” у средневековых кочевников, но также и мысль об обязательном оседании кочевников и извечной борьбе кочевого и земледельческого миров. Другие же исследователи обратились к идеям евразийства, в соответствии с которыми кочевые и земледельческие социумы не только находились в состоянии конфронтации, но и знали период сотрудничества. Третья группа ученых стала поддерживать идеи западных исследователей о цикличном развитии кочевых обществ. В современной украинской исторической науке это направление базировалось на достижениях не формационного, а цивилизационного подхода. Однако в данном случае не обошлось и без крайностей. Приверженцы этого направления, как и большинство современных евразийцев, стали говорить о “кочевых цивилизациях”. Однако это терминологически выглядит неверно, ибо термин “цивилизация” более приемлем для характеристики земледельческих, а не кочевых обществ. Не остались в стороне от этих процессов и исследователи черных клобуков.

К числу приверженцев первого, марксистского, направления следует отнести академика П. П. Толочко. Из числа его работ отмеченного периода особо следует выделить монографию “Кочевые народы степей и Киевская Русь”, в которой имеется глава “Торки и Русь”, где основное внимание сосредоточено на объединении Черных Клобуков в Поросье [Толочко 1999, 80–107]. Там П. П. Толочко, говоря о событиях конца XI – начала XII вв., отметил: “Массовое обращение торческих племен к Руси за покровительством и расселение их в южном и юго-восточном

пограничье свидетельствует о вытеснении их из степных районов половцами” [Толочко 1999, 83]. Касаясь характера взаимоотношений этих кочевников с Русью, П. П. Толочко подчеркнул: «Кочевники, именуемые летописью “своими погаными”, были не очень надежными подданными. Они стремились сохранить свою независимость и постоянно навязывали Руси федеративную форму взаимоотношений. Русские князья категорически возражали и требовали безусловной вассальной покорности. На этой почве между сторонами нередко возникали конфликты» [Толочко 1999, 84].

П. П. Толочко также отметил, что “начиная с 40-х годов XII в. на страницах летописи преобладают упоминания о черных клобуках, обитавших в Поросье”. Их происхождение исследователь видел следующим образом: «Речь идет, вероятно, о тех торческих племенах, но объединенных русскими летописцами общим названием – калкой от “кара калпаков”» [Толочко 1999, 85]. По его наблюдениям, “за проживание в пределах Руси черные клобуки обязаны были не только нести сторожевую службу, но и участвовать вместе с русскими дружинами в походах против половцев” [Толочко 1999, 86].

П. П. Толочко подчеркнул, что столицей черноклобуцкого союза Поросья был город Торческ. Он считал, что “первое упоминание о нем относится к 1093 г. и связано с рассказом о половецком вторжении в Русь” [Толочко 1999, 87]. По его мнению, во второй половине XII в. “город продолжал играть роль важного форпоста в системе обороны Руси от половцев”. “И насельниками его, – продолжает далее исследователь, – были все те же торки. Но теперь беспокойные вассалы Киева были поставлены под жесткий контроль центральной власти. В Торческе утверждается княжеский стол и размещается русский гарнизон” [Толочко 1999, 87–88]. Это наблюдение дало основания П. П. Толочко утверждать, что торческий княжеский стол “служил своеобразным резервом для тех князей, которые в силу различных обстоятельств временно теряли свои столы” [Толочко 1999, 88]. Историк полагал, что “последнее летописное упоминание Торческа относится к 1234 г. в связи с тем, что под его стенами состоялась очередная битва русских с половцами” [Толочко 1999, 90]. Что же касается локализации летописного Торческа, то П. П. Толочко поддержал мнение Б. А. Рыбакова, согласно которому с этим городом следует связывать “огромное (около 90 га) городище – в 38 км к востоку от Белой Церкви, между селами Ольшанница и Шарки” [Толочко 1999, 90].

С черными клобуками П. П. Толочко также склонен связывать кочевнические захоронения предмонгольского времени, обнаруженные не только Н. Е. Бранденбургом в Поросье в XIX в., но и украинскими археологами в XX в. у с. Таганча на Каневщине, между селами Малополовецкое и Яхны Фастовского р-на Киевской обл., у с. Яблоновка Белоцерковского р-на Киевской обл. и т. п. [Толочко 1999, 96–107].

Сравнительный анализ данных археологии и сведений письменных источников о союзе Черных Клобуков позволил П. П. Толочко сделать вывод: “...он состоял из нескольких родственных торческих племен или орд: берендеев, коуев, торков и печенегов. Каждая орда занимала определенную территорию. Берендеи получили от киевских князей регион в верховьях Роси, центром которого являлся город Ростовец” [Толочко 1999, 91]. Однако это не помешало исследователю считать: “Проживание в пределах Руси, нередко чересполосно с русичами, наложило отпечаток на экономику, культуру и быт торческих племен. От кочевий они переходили к оседлому образу жизни. Торческая знать стремилась во всем походить на русских князей и бояр, обзаводилась собственными укрепленными городками. Иногда требование получить во владение тот или иной город в Поросье служило условием службы великому князю” [Толочко 1999, 95].

Отметим также ряд работ украинских исследователей конца XX – начала XXI вв., где особое внимание было уделено этническому составу населения Поросья в

древнерусский период. Так, еще в 1985 г. была опубликована статья Р. С. Орлова, А. П. Моця и П. М. Покаса “Исследования летописного Юрьева на Роси и его окрестностей” [Орлов, Моця, Покас 1985, 30–62]. В работе акцентировалось внимание на том, город Юрьев, находившийся недалеко от Торческа, в предмонгольское время являлся не только политическим и экономическим, но и религиозным христианским (там находился епископ) центром Поросья. Авторы статьи связывают с остатками летописного Юрьева “городище Замковая гора, находящееся в самом центре города Белая Церковь Киевской обл.” [Орлов, Моця, Покас 1985, 30–35]. Результаты раскопок местного христианского некрополя дали основания исследователям считать, что “группа населения древнерусского Юрьева, оставившая могильник на Замковой горе, имела, несомненно, славянское происхождение” [Орлов, Моця, Покас 1985, 43–47, 60]. Однако происхождение их соседей авторы статьи так и не смогли определить.

Это касается, прежде всего, курганного могильника возле с. Яблоновка на правом берегу р. Роси. Вся проблема в том, что местные жители здесь были захоронены по необычному для здешних мест обряду – труположение на уровне древнего горизонта. Встречалась в одной курганной насыпи и кремация. Что же касается инвентаря, то, с одной стороны, он имел аналогии с кочевническими древностями, а с другой – был подобен находкам предмонгольского времени на Северном Кавказе. Антропологически погребенные в курганах также значительно отличались от жителей Юрьева (мезокраны). Авторы статьи высказали мнение, что местные жители “подчинялись центральному киевским властям” и их основной задачей “была охрана южнорусских границ от враждебных орд половцев” [Орлов, Моця, Покас 1985, 49–60].

В своей недавней монографии «Южная “Русская земля”» А. П. Моця еще более конкретно определил место Поросья в жизни Руси. По его словам, “Эта область занимала пограничное положение со степью, прикрывая с юга один из самых главных экономических и политических центров Киевской Руси, и постоянно находилась под угрозой вторжений кочевников” [Моця, 2008 66]. Исследователь отметил, что в древнерусское время административным центром Поросья был город Юрьев, где находился центр епископии. Здесь же была создана мощная оборонная система, состоявшая из нескольких десятков крепостей и двух линий так называемых Змиевых валов. Этнический состав населения Поросья в древнерусское время был весьма сложным: здесь, помимо различных групп славян, проживали различные тюркоязычные группы. Особо из числа последних исследователь выделил черных клобуков, с расселением которых в Поросье “наряду со старыми укрепленными пунктами, продолжавшими функционировать, в конце XI–XII вв. было основано 12 новых крепостей” [Моця 2008, 67].

А. П. Моця считает: “Административно-политическим центром черноклобуцкого Поросья был Торческ, на месте которого сохранился культурный слой и остатки разрушенных валов возле с. Шарки в 6 км севернее Бушевского городища. Согласно летописным сообщениям, здесь находилась и княжеская резиденция киевских правителей” [Моця 2008, 69].

По мнению исследователя, “самым многочисленным иноэтническим контингентом в Поросье были тюркоязычные кочевники, образовавшие здесь спустя определенное время после расселения союз Черных Клобуков”, куда “кроме торков, входили еще и печенеги, берендеи, ковуи, турпеи, каепичи” [Моця 2008, 70]. А. П. Моця не придерживается мнения о добровольном расселении черных клобуков в Поросье. Наоборот, он считает: “Рюриковичи, планируя создание кочевнического заслона от половцев, иногда даже насильственно заставляли печенегов, торков и других степняков поселяться возле своих границ. Очевидно, кочевникам не просто было переходить к полуоседлости, которая была единственным вариантом обитания

на относительно незначительных по размерам пограничных участках” [Моця 2008, 71]. Таким образом, мы видим, что исследователь не поддерживает концепцию С. А. Плетневой о добровольной седентаризации кочевников как всеобщей закономерности в развитии кочевых обществ.

Продолжая рассматривать данный вопрос, исследователь высказал предположение, что “кочевнические народы, входившие в Черноклобуцкий союз, в XII в. перешли к полукочевому или даже оседлому образу жизни”. Доказательством этого А. П. Моця считает “широкое распространение могильников, которые появляются, как правило, вблизи стационарных поселений или же возле постоянных зимовников”, одним из которых и был город Торческ [Моця 2008, 71].

Говоря о характере взаимоотношений черных клобуков с киевской властью, А. П. Моця подчеркивает: «Киевский господин был верховным сюзереном Черных Клобуков, являвшихся военнообязанными (как правило, воевали на его стороне). Войны киевский князь вел с нападающими половцами и с теми, кто покушался на Киев и на “великий стол”. Лишь в достаточно редких случаях Черные Клобуки не проявляли желания идти на половецкие вежи, мотивируя свой отказ тем, что в той орде находятся их “сваты”» [Моця 2008, 71].

Однако подходы А. П. Моци к освещению социальной структуры черноклобуцкого общества несколько неожиданны. Так, он утверждает, что в “союзе Черных Клобуков большая феодальная семья стала основным общественным звеном, заменившим собой род и племенную принадлежность” [Моця 2008, 71]. Кроме того, говоря о верхушке черных клобуков, он утверждает: «...крупные аристократы-землевладельцы у них были. Они, вероятно, владели местечками и землями, окружавшими их. Даже появлялись “лучшие” или же “добры” мужи – так называли в летописях представителей черноклобуцкой аристократии. По-видимому, это были главы-старейшины больших феодальных семей – беки, баи. Некоторые из таких семей разрастались и становились ордами...» [Моця 2008, 71]. Именно эти извлечения позволяют считать, что известный историк и археолог А. П. Моця поддерживает концепцию о “кочевом феодализме” у средневековых кочевников, столь популярную среди советских историков, придерживающихся формационного подхода. Необходимо отметить, что большинство современных номадологов поддерживают концепцию о цикличном развитии кочевых обществ.

Что же касается характера взаимоотношений черных клобуков со славянами в Поросье, то А. П. Моця, в отличие от некоторых известных его коллег, в этом вопросе придерживался мнения о мирном характере этих контактов, а не напряженном. Об этом может свидетельствовать следующая цитата из его монографии: «Говоря о славянах в этой “номадской” зоне Поросья, следует отметить, что древнерусские курганы находились в непосредственной близости от кочевников, а иногда и на общих могильниках. Иными словам, “поршане”, как называет их летописец, находились с кочевниками в самых тесных контактах» [Моця 2008, 71].

Исследованию древнерусского Поросья в последние десятилетия немало внимания посвятила также Л. И. Иванченко. Еще в 1989 г. в тезисах конференции она и П. М. Покас отметили, что важное место в оборонной системе Руси от набегов кочевников в Поросье занимало городище XII–XIII вв. возле с. Буки. Здесь же был обнаружен как грунтовой могильник, так и курганный некрополь. По словам авторов исследования, “данные говорят о неординарном характере этого памятника и его важном значении в системе укрепленных центров Верхнего Поросья” [Иванченко, Покас 1989, 86–87].

Несколько лет назад этого вопроса коснулась Л. И. Иванченко в своей специальной статье “Поросская оборонная линия Южной Руси”, где она отметила, что данная система укреплений “имеет в длину около 200 км в направлении с запада на восток” [Иванченко 2005, 194]. “Широкая двухрядная оборонная линия из городищ, –

отмечает исследователь, – была соединена посредством линии Змиевых валов, которые проходили вдоль Роси” [Иванченко 2005, 196].

Необходимо отметить, что Л. И. Иванченко высказала довольно интересное предположение относительно обстоятельств появления оборонной системы Поросья. Так, она отметила: “Возможно, изначальным стратегическим планом Киевского государства было только строительство на Роси городищ-крепостей с политико-административным центром в Юрьеве. Население же района состояло из двух групп: славян и поздних кочевников (торков, берендеев, печенегов и др.)... Однако, в связи с активизацией половецких набегов, в конце XI – в начале XII вв. возросла военная, а позже и политическая роль черных клобуков. Столицей Поросья становится Торческ, где постоянно находится наместник киевского князя. Само Поросье становится волостью. Продолжается укрепление этого очень важного региона. Строятся Змиевый вал и оборонная линия, как важная пограничная военная система Киевской Руси” [Иванченко 2005, 197].

Несколько иной подход к решению проблемы торков Поросья наблюдаем в работах современного украинского историка А. Б. Головки. Необходимо отметить, что А. Б. Головка, в отличие от упомянутых современных украинских исследователей, не придерживается марксистских подходов в изучении средневековых кочевников. Он является представителем современной украинской исторической науки и прочно стоит на позициях не формационного, а цивилизационного подходов. Поэтому исследователь поддерживает концепцию циклического развития кочевых обществ и не признает устаревшие идеи об извечной вражде кочевников и земледельцев. Он всецело поддерживает идеи М. С. Грушевского, что нашло отражение в публикациях А. Б. Головки, где много внимания уделено черным клобукам.

Так, в статье “Торки в истории причерноморских степей (IX–XII вв.)” исследователь высказал аргументированное предположение, согласно которому в Поросье “в первой половине XI в. часть кочевников стала постепенно переходить как конфедераты князей в этот регион Руси, где позже образовалась Торчесская волость” [Головка 1999, 115]. “Процесс включения торков в конфедеративную систему Руси, – продолжает далее исследователь, – здесь начался раньше и имел более значительные результаты, чем в первом регионе – на левобережье Днепра. Кроме других причин, на это, безусловно, повлиял более благоприятный в плане возможностей обороны ландшафт Правобережья” [Головка 1999, 115]. А. Б. Головка подчеркивает, что после 40-х гг. XII в. в Поросье возникла “территориально-административная структура”, которую летописи называют “Черные Клобуки”. По мнению исследователя, в ее состав “кроме самих торков, вошли печенеги, берендеи, коуи”, а также “турпеи, бастии, каепичи” [Головка 1999, 119].

Необходимо отметить, что А. Б. Головка, в отличие от П. П. Толочко, отстаивает более раннюю дату основания Торчесска. По наблюдениям исследователя, обычно придерживаются даты 1096 г., которая содержится в “Поучении Владимира Мономаха”, помещенном в “Повесть временных лет” под 6604 (1096) г. Однако А. Б. Головка считает, что это событие датируется более ранним временем, потому что «установлению хронологии событий помогает синхронное сопоставление материала “Поучения” и непосредственного летописного текста, которое дает основания первое упоминание о Торчесске датировать 1083–1084 гг.» [Головка 1999, 117–118].

Что же касается вопросов характера взаимоотношений торков Поросья с киевскими властями, то мнение А. Б. Головки на этот счет несколько отличается от позиции П. П. Толочко. Так, А. Б. Головка считает, что в основном эти отношения носили мирный характер, так как эти торки находились на службе у киевских князей. Однако исследователь подчеркивает, что “иногда у них не совсем складывались нормальные отношения с русскими князьями” [Головка 1999, 119].

Необходимо подчеркнуть, что все эти идеи нашли также отражение в специальном разделе монографии А. Б. Головки «Корона Данила Галицкого: Волынь и Галичина в государственно-политическом развитии Центрально-Восточной Европы раннего и классического средневековья», которая была опубликована в 2006 г. [Головка 2006, 108–113].

Из исследований по данной теме, проведенных на территории Украины в начале XXI в., следует особо выделить кандидатскую диссертацию Т. Ю. Тайди «Союз черных клобуков (тюркское объединение XI–XIII вв.)», защищенную в специализированном совете Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины в 2005 г. [Тайди 2005; Тайді 2005].

Диссертация посвящена исследованию проблемы истории союза кочевых племен, перешедших на службу к Великому князю киевскому и получивших в летописи название Черные Клобуки. Были рассмотрены причины и условия приглашения тюрков на русскую службу во второй половине XI в. Автор диссертации считает, что главной причиной этого явилась половецкая агрессия. По ее мнению, эти группы кочевников были приглашены киевским князем на Русь в качестве вспомогательных отрядов для борьбы с половцами. В исследовании отмечены предпосылки и этапы формирования этого союза кочевых племен на базе торческого корпуса. Автор диссертации выделила несколько этапов данного процесса. По мнению Т. Ю. Тайди, первым этапом было приглашение торков на Русь в конце 60-х – первой половине 70-х годов XI в. Она склонна считать, что присутствие торков на Руси в этот период оправдало себя. В результате в конце XI в. к торкам присоединились печенеги и берендеи, положив начало существованию союза черных клобуков. В диссертации охарактеризован состав данного союза и изменения, происходившие в нем на протяжении XII в. Автор исследования поддерживает то мнение, что Черные Клобуки – это общее название объединения тюркских племен: торков, берендеев, печенегов. По мнению Т. Ю. Тайди, дислокация военного тюркского корпуса на Руси, как показывают летописные известия, определялась задачами обороны южной границы Киевской Руси от половецких нападений. Она отметила, что тюрки были размещены в южных древнерусских княжествах – преимущественно в Переяславском и Киевском. В исследовании выделены два основных этапа дислокации кочевников на Руси. На первом этапе кочевники на русской службе были распределены по южнорусским приграничным гарнизонам Переяславля, Торческа, Баруча и др. С середины XII в. наблюдаются изменения в дислокации черных клобуков на Руси. Возникают тюркские военные поселения, по данным исследователя, вдоль южной границы Киевской Руси, вплоть до Погорынья. Эти поселения, как она считает, и составили особую область, которую летописи называют «Черные Клобуки», куда переместились основные силы тюркок-федератов. В исследовании также были определены функции военного тюркского корпуса на русской службе, главной из которых являлась борьба с половцами. Автор диссертации полагает, что черные клобуки владели теми же способами ведения боя, что и половцы, имели подобное оружие. Поэтому автор исследования связывает переход Киевской Руси к наступательной военной тактике против половцев в конце XI в. именно с привлечением торков и печенегов на службу на Русь. Статистические подсчеты, приведенные в диссертации, позволили Т. Ю. Тайди отметить положительные последствия привлечения «своих поганых» к борьбе с половцами. В работе выделены разные социальные уровни черных клобуков, прослежена степень их участия в общественной жизни Древнерусского государства, прежде всего Киевской земли. Был также определен уровень зависимости черных клобуков от Великого киевского князя и связь их с «Русской землей» (в узком значении этого понятия), а также степень влияния на черных клобуков феодальной системы Киевской Руси и христианства. Так, по мнению исследователя, верховным сюзереном черных клобуков был Великий киевский

князь, который определял политику по отношению к тюркскому легиону на русской службе. Другие князья, с точки зрения Т. Ю. Тайди, могли пользоваться услугами черных клобуков с разрешения киевского князя и внесения определенной платы в государственную казну. Автор исследования считает, что существовал договор с ними, который дополнялся новыми условиями по мере развития отношений. В результате киевские князья широко использовали черных клобуков для решения своих внутренних споров. Это было очень удобно и давало преимущество над всеми другими князьями. Как доказывается в исследовании, Великий киевский князь всегда направлял в черноклобуцкую область своего представителя – того, на кого можно положиться, чаще близкого родственника или сына. Автор диссертации считает, что это делалось, чтобы избежать использования черных клобуков против киевских князей. Дальнейшая судьба черноклобуцкого союза после монгольского нашествия охарактеризована в диссертации по материалам археологических раскопок в Поросье, на Урале, в Поднестровье. В соответствии с наблюдениями Т. Ю. Тайди, часть их (60 %) после монгольского нашествия осталась в Южной Киевщине, о чем свидетельствуют погребения монгольского времени. Значительная часть откочевала вместе с татарами на Волгу и Урал, где в то время увеличивается процент торческих и печенежских погребений. Отдельные же группы торков и печенегов в тот период появляются в Поднестровье, где также зафиксированы погребения кочевников, идентичные торческим и печенежским в Поросье [Тайди 2005; Тайди 2005].

Необходимо отметить, что в этом же 2005 г. кандидатская диссертация Т. Ю. Тайди была опубликована в виде одноименной монографии [Тайди 2005а]. Подводя итог, отметим, что для работы Т. Ю. Тайди характерна нейтральность в анализе и интерпретации материала. Поэтому трудно сказать, к каким современным направлениям и школам исторической науки можно отнести ее исследование.

Следует отметить, что в российской историографии после 1991 г. происходили аналогичные процессы, как и в украинской исторической науке. Некоторые российские ученые стремились отойти от устаревших стереотипов относительно исконной вражды Руси и Степи, а также от идей обязательной седентаризации кочевников. И все это происходило на фоне возрождения евразийства, представленного в первую очередь работами Л. Н. Гумилева.

В этом отношении весьма интересна монография И. О. Князького “Русь и Степь”, вышедшая еще в 1996 году. Вот как автор исследования видит причину оседания кочевников на границах земледельческих государств: “Переход к союзническим отношениям между кочевым и оседлым мирами происходит либо при военном превосходстве земледельческих народов, либо в случае паритета военных сил между сторонами; установлению мирных взаимоотношений способствовали экономические факторы. Военные набеги за добычей постепенно сменялись мирным торговым общением, ибо и земледельцы нуждались в продуктах кочевого скотоводства, и кочевники испытывали потребность в продуктах земледельческого хозяйства. Военные набеги становились менее выгодными, нежели мирная торговля... В случае военного превосходства земледельцев кочевники становились вассалами государства земледельческого народа и получали от него землю под пастбища при условии несения военной, чаще всего пограничной службы. При военном превосходстве кочевников, в период образования кочевнических военно-политических объединений, устанавливались даннические взаимоотношения: кочевники не захватывали территорий земледельцев, но облагали оседлых жителей фиксированной данью” [Князький 1996, 39].

В первом типе кочевников И. О. Князький видел объединение Черных Клобуков. Его взгляд на эту проблему, в соответствии с его концепцией, значительно отличается от подходов его предшественников – российских и советских исследователей.

Обстоятельства возникновения и исчезновения черноклобуцкого объединения в Поросье он видел следующим образом: «Во взаимоотношениях Руси с оставшимися близ ее рубежей торками, печенегами, а также, очевидно, одновременно с торками, пришедшим еще одним тюркским народом – берендеями, отношения постепенно из враждебных стали перерастать в мирные. В 1121 г. Владимир Мономах в последний раз отогнал от рубежей Руси берендеев, печенегов и торков. В сороковые же годы XII в. в Поросье у южных границ Киевской земли складывается союз берендеев, торков и печенегов, получивший название Черные Клобуки и перешедший на службу русским князьям. Черные Клобуки стали пограничной стражей степного русского порубежья, они достаточно верно служили киевским князьям, за что удостоились от русских наименования “свои поганые”. В середине XIII в. монголы, установившие свое господство и в южнорусских степях, и на Руси, переселили Черных Клобуков в Приаралье. Нынешние каракалпаки в низовьях Амударьи – прямые потомки Черных Клобуков» [Князький 1996, 40].

Однако в постсоветский период историки и археологи России уделяли черным клобукам мало внимания. Вполне возможно, что для этого имеются несколько причин. Во-первых, у исследователей прошлого России пропал интерес к черным клобукам Киевщины, ибо эта тема после 1991 г. не была частью отечественной истории. Во-вторых, отсутствие новых источников не способствовало написанию новых работ, специально посвященных черным клобукам. В-третьих, вполне возможно, что большинство современных российских исследователей до сих пор находятся в поисках новых методологических подходов в вопросах освещения характера взаимоотношений Руси и кочевников.

Однако приведенный историографический анализ вовсе не означает, что проблемой черных клобуков в последние десятилетия занимались исключительно восточноевропейские исследователи. Интерес к этой проблеме существует и в Польше. В качестве доказательства этого можно привести монографию Т. Надгродзкой-Майжик “Черные Клобуки”, опубликованную в Варшаве в 1985 году. Необходимо отметить, что взгляды данного исследования на историю черных клобуков в ряде аспектов существенно отличаются от подходов восточноевропейских исследователей [Nadgrodzka-Majchrzyk 1985].

К этому добавим, что значительный интерес к черным клобукам наблюдаем у известного представителя современной туркменской исторической науки О. Гундогдыева. И в этом нет ничего удивительного, ибо уже давно установлено, что в состав поросского объединения Черные Клобуки вошли многие близкородственные туркменам огузские родоплеменные группы. Это убедительно показал О. Гундогдыев в своей монографии “Прошлое туркмен”, которая была опубликована в 1998 году. Кроме того, О. Гундогдыев являлся современным приверженцем идей евразийства. Поэтому в этой монографии довольно-таки аргументировано обосновывается основная идея, согласно которой взаимоотношения черных клобуков с киевскими князьями носили преимущественно мирный характер [Гундогдыев 1998, 91–193].

Подводя итоги, отметим, что в данном обзоре, конечно же, не были учтены все работы, касающиеся истории черных клобуков Киевщины. Однако мы видим, что этой проблемой на протяжении более чем 200 лет занимались представители различных направлений и школ восточноевропейской исторической науки. Информация о черных клобуках существенно противоречила устоявшимся стереотипам относительно враждебного характера взаимоотношений славян и кочевников. Наоборот, пример с объединением Черные Клобуки позволил многим исследователям утверждать, что кочевой скотоводческий и оседлый земледельческий миры существенно дополняли друг друга и поэтому находились между собой не только во враждебных, но и в мирных отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

Аристов Н. Я. О земле Половецкой // **Известия историко-филологического института князя Безбородко в Нежине за 1877 г.** Киев, 1877.

Бобринский А. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. Санкт-Петербург, 1887.

Бранденбург Н. Е. **Какому племени могут быть приписаны те из языческих могил Киевской губернии, в которых вместе с покойником погребены остовы убитых лошадей?** Москва, 1899.

Владимирцов Б. Я. **Общественный строй монголов.** Ленинград, 1934.

Головко О. Б. Торки в історії причорноморських степів // **Східний світ**, 1999, № 1–2 (Етноп. До 80-річчя академіка О. Прицака).

Головко О. Б. **Корона Данила Галицького: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя.** Київ, 2006.

Голубовский П. В. Об узах и торках // **Журнал министерства народного просвещения**, июнь 1884.

Голубовский П. **Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв.** Киев, 1884а.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. **Золотая Орда и ее падение.** Москва – Ленинград, 1950.

Греков Б. Д. **Киевская Русь.** Москва, 1953.

Грушевський М. **Історія України-Руси.** Т. II. Київ, 1992.

Гумилев Л. Н. **Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации.** Москва, 1993.

Гундогдыев О. **Прошлое туркмен.** Москва, 1998.

Иванченко Л. І., Покас П. М. Комплекс пам'яток XII–XIII ст. біля с. Буки в Пороссі // **Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР.** Тези доповідей XX Республіканської конференції. Одеса, жовтень 1989 р. Київ, 1989.

Иванченко Л. І. Городище в с. Буки – форпост давньоруського кордону Західного Поросся // **Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст.** Київ, 2004.

Иванченко Л. І. Пороська оборонна лінія Південної Русі // **Нариси воєнної історії Давньої України.** Київ, 2005.

Карамзин Н. М. **История государства Российского.** Кн. 1. Т. I. Москва, 1989.

Князький И. О. **Русь и Степь.** Москва, 1996.

Лебединцев П. Г. О местоположении древнего Киевского города Торчеська // **Чтения в историческом обществе Нестора Летописца /** Под ред. Н. П. Дашкевича и Л. И. Соболевского. Кн. 2. Киев, 1888.

Моця А. П. **Южная “Русская земля”.** Киев, 2008.

Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М. Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей // **Земли Южной Руси в IX–XIV вв.** Киев, 1985.

Пашуто В. Т. **Внешняя политика Древней Руси.** Москва, 1968.

Погодин М. П. **Исследования, замечания и лекции о русской истории.** Т. V. Москва, 1857.

Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // **Материалы и исследования по археологии СССР.** № 62. Москва, 1958.

Плетнева С. А. **Древности Черных Клобуков.** Москва, 1973.

Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы // **Степи Евразии в эпоху средневековья** (Археология СССР). Москва, 1981.

Плетнева С. А. **Кочевники средневековья** (поиски исторических закономерностей). Москва, 1982.

Плетнева С. А. **Половцы.** Москва, 1990.

Расовский Д. А. О роли Черных Клобуков в истории Древней Руси // **Seminarium Kondakovianum.** Т. 1. Praga, 1927.

Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // **Seminarium Kondakovianum.** Т. 6. Praga, 1933.

Рыбаков Б. А. Торчеськ – город Черных Клобуков // **Археологические открытия 1966 года.** Москва, 1967.

Смачевский И. Торки, берендеи и Черные Клобуки // **Архив историко-юридических сведений, относящихся к России.** Кн. II. Москва, 1855.

Спицын А. А. Курганы киевских торков и берендеев // **Записки императорского Русского археологического общества**. Т. XII. Вып. 1–2. Санкт-Петербург, 1899.

Тайди Т. Ю. **Союз черных клобуков** (тюркское объединение на Руси в XI–XIII вв.): Дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Киев, 2005.

Тайди Т. Ю. **Союз черных клобуков** (тюркское объединение на Руси в XI–XIII вв.). Киев, 2005а.

Тайди Т. Ю. **Союз чорних клобуків** (тюркське об'єднання на Русі в XI–XIII ст.). Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2005.

Татищев В. Н. **История Российская**. В 7-ми т. Т. 1. Москва – Ленинград, 1962.

Татищев В. Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В. Н. **Избранные произведения**. Ленинград, 1979.

Толочко П. **Кочевые народы степей и Киевская Русь**. Киев, 1999.

Федоров-Давыдов Г. А. **Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов**. Москва, 1966.

Шушарин В. П. **Современная буржуазная историография Древней Руси**. Москва, 1964.

Nadgrodzka-Majchrzyk T. **Czarni Kłobucy**. Warszawa, 1985.